

...Весьма от давних лет по Тереку реки жительство свое имеем, а каким случаем, по указу или без указу, при котором государе сначала поселились, того за давностью сказать не можем...

(Из разговора гребенских казаков)

Укрепление — это камень, брошенный в поле, дождь и ветер снесут его; а станица — это растение, которое врастает в землю корнями и понемногу застилает и охватывает поле...

(Из разговора горцев)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
ТЕРСКИЕ КАЗАКИ... ТЕРЦЫ!

Кто вы? Что за люди, сделавшие так много для России и оставившие такой заметный след в ее истории?

Согласно историческим сведениям первоначально в слово «казак» вкладывался социальный смысл: человек, по злой необходимости отделившийся от своего рода-племени, лишившийся своего скота, кочевой и потому ставший бродягой, скитальцем. От тюркского: бездомный, изгой, вольный человек. Уже в раннем Средневековье это название, не имея еще этнического наполнения, было поистине международным.

В «Словаре географическом Российского государства» (XVIII–XIX вв.) недвусмысленно подчеркивается преемственность этого социального явления на Руси: «Пока татары южными Российского государства странами владели, о российских казаках ничего слышно не было. Они начались уже по истреблении татарского владения в тех же местах, которые татарам подвластны были: ибо, как между татарами находились казаки, но и русские, заняв их жилища и приняв их обычаи, казаками были прозваны». И далее здесь же: «Везде

появились казаки, и название сие сделалось общим всем конным войскам, легковооруженным, из платы служащим».

Историки терского казачества считают, что первыми поселенцами на Тереке были новгородские ушкуйники и рязанские казаки. Сначала в XIV в. появились новгородские ушкуйники — вольные дружины, которые, совершая походы на лодках (ушкуях), через Хволынское (Каспийское) море проникали в устье Терека и поднимались вверх. Женились они на женщинах из местных обитателей Кавказа и селились у «гребней» гор, при впадении Аргуна в Сунжу. В первой четверти XVI века через Дон и Волгу на Терек устремились рязанские казаки. После того как в 1520 г. рязанский удел отошел к Москве, «молодеческая» часть рязанского казачества, служившая там в качестве порубежной стражи, привыкшая к свободе и своеволию, поднялась с места и ушла на далекий Терек, к недостижимому в то время для Москвы подножию Кавказского хребта, и поселилась там. Переселение казаков на Терек не оспаривалось ни кумыками, ни кабардинцами. Более того, прибывшей вольнице были предложены места по предгорьям. Казакам местность понравилась, рядом с рекой — лес, дальние гребни гор, и у подножья — ровные поляны, травы в пояс. Коси сено, паси скот, паши землю, сей хлеб. И безопасно — никакая царская погоня не достигнет.

Однако это укрывательство продолжалось недолго. Местное население очень страдало от посягательств на земли Кавказа со стороны крымских ханов и турецких султанов. Казаки не раз помогали соседям обороняться, но силы были неравны. Крымский хан и турецкий султан заставляли покориться Большую Кабарду, а Малой грозил Шамхал Тарковский. Казаки, видимо, и намекнули горским князьям попросить помощи у московского государя Иоанна Васильевича.

Первое посольство черкесских князей прибыло в Москву в 1552 г.

В 1555 г. в Москву отправилось посольство кабардинских князей. Существует предание, что с этим посольством в Москву прибыла и «станция» гребенских казаков, которых Иоанн принял милостиво, пожаловал «рекою вольною Тереком, от самого гребня до синя моря Каспицкого», велел им служить там свою службу государственную, беречь новую свою кабардинскую вотчину.

В 1557 г. в Москву прибыло посольство от старшего, наиболее влиятельного и почитаемого кабардинского князя Темрюка Идаровича с просьбой, «чтобы их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве учинил». Просьба эта была уважена и закреплена в 1561 г. браком Ивана IV с дочерью Темрюка — Кученей, принявшей после крещения имя Мария.

В 1559 г. на Тереке появляются первые царские войска для защиты кабардинцев от Шамхала Тарковского. В 1563 г. в помощь царскому тестю Темрюку Идаровичу посылаются из Астрахани 500 стрельцов и 500 казаков и воевода Плещеев строит в Кабарде первый полурусский-полукабардинский город на правом берегу Терека, возможно, в Нижнем Джулате, на высоком мысу отрога Кабардинского хребта, возвышающемся над Терекком напротив бывшей станицы Пришибской (ныне г. Майский, КБР). В устье Сунжи строится военный город — Терка, который по требованию Турции в 1571 г. был оставлен. В 1577 г. там же, на Сунже, но в другом месте была построена вторая Терка. Турецкий султан потребовал оставить и ее, но она пустовать не стала. Ее заняли казаки Вольного Терского казачества. Этот год и стал официальным в рождении Терского казачьего войска.

Прибывали сюда и казаки поволжские. Попав в опалу и не желая терять свои вольности, они разбежались со своих мест. Существует предание о Ермаке: он ушел на север к Строгановым, одни ушли на Яик, а большинство — на Терек. XVII в. в истории края ознаменовался значительным притоком в терские станицы беглых крестьян из России. Бежали сюда, как в безопасное убежище, и представители кавказских народов — те, кому было тесно на родине, кого преследовали сами общества. «Все

это были люди того же пошиба, что и русские вольные казаки», и поэтому последние легко с ними дружились и уживались.

Контактность казаков-терцев с местными северокавказскими народами сказалась как на антропологическом своеобразии и облике казачества, так и в характере материальной и духовной культуры населения казачьих районов. Влияние местных обычаев отразилось в убранстве дома, одежде, украшениях, некоторых бытовых традициях; куначество, свадебные обряды... Различное влияние на казаков прослеживается в области военного искусства: вооружении, военной тактики и стратегии, организации войск.

На первых порах для казачества большое значение имело государево жалованье, но с возрастанием роли земледелия росло значение земельных наделов, которые правительство жаловало казакам за военную службу. Рядом жалованных грамот правительства, особенно грамотой 1793 г., государство, выступившее верховным собственником земель страны, передавало земли казачьих общин им же в вечное пользование: казачьи общества или войска передавали землю в такое же пользование казачьим станицам, от которых уже казаки получали ее по паям. Так вместо денежных налогов за землю казаки начинают платить натуральный налог путем отбывания воинской службы

со своим конем, оружием, амуницией. Казаки участвовали во всех войнах, которые вела Россия, и с честью исполняли свой долг защитников Отечества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Весна в тот год была ранняя. Уже в начале марта заметно пригрело и повеяло теплом. Вышло в полной своей красе сияющее солнце, и оставшийся местами снег стал рушиться и таять в его лучах, как сахар в кипятке.

Терек, всю зиму дремавший подо льдом, вдруг проснулся и шевельнулся с глухим ворчанием. Ровный, гладкий лед пронизали зигзаги темных трещин. Сверху, от истоков, побежала стремительно талая вода и, пробудив дремавшие силы реки, стронула из омутов рыбу.

Все пробудилось в природе при первом горячем дыхании весны. Беспокойно замычали коровы, забились в стойлах кони. Галки торопливо стали вить гнезда, собирая на дорогах клочья шерсти. Воробьи, вылетающие из-под стрех, звенели как тысячи бубенчиков, словно подлаживаясь к весеннему звону, несущемуся из кузни, где спешно ремонтировался сельскохозяйственный инвентарь. С каждым днем звон этот, с приходом весны и тепла, становился громче и веселее. Но не все было так спокойно в станице. С тревогой прислушивались казаки к могучему дыханию реки, к глухим

громовым раскатам трескающегося льда. Если детвора наслаждалась видом ледохода, то старики, поглаживая бороды и прикладывая руки к глазам, по старинным приметам старались угадать, как поведет себя река. А Терек так и рвался из-под льда, стараясь оторвать его от берегов. И у всех была одна и та же мысль: «скорее бы сошел лед, и не наделала бед река, как бывало в прежние годы — хлынет буйным набегом в станицу, и радуйся». В один из таких дней по дороге, ведущей из Екатериноградской, люди заметили силуэты. Не то грачи или вороны прыгали по колеям, не то лошади обходят ямы и промоины. В солнечном мареве не поймешь. Как мираж. Ребяшня побежала на курган, откуда лучше просматривалась дорога, а остальные продолжали гадать, стоя на месте. И вдруг из чьих-то уст вырывается: «Оказия»*. Все бы ничего. Оказии в станицы приходят каждую неделю, но сегодня ее никак не должно быть. Послали с сообщением к атаману.

В станице наметилось оживление. По улицам, то в одну сторону, то в другую, поскакали вестовые. У калиток стали собираться казаки и казачки, обсуждая, что за причина неурочного приезда оказии. Всех интересовал вопрос: кто же в ней едет? А потому, если взрослые, стоя в

---

* Оказия — охраняемый караван.

сторонке, наблюдали за происходящим у правления, то ребятня теснилась уже под самыми окнами атаманской канцелярии. Здесь в просторной комнате находился сам атаман Федор Иванович Кульбака, писарь Илья Олифиренко и несколько стариков-станичников. Писарь часто поглядывал в окно и сообщал атаману, что делается за двором. Атаман вел мирную беседу со стариками.

— Что-то оказия нынче не в срок? — спрашивали казаки один у другого.

— Да там, говорят, не оказия, а небольшой отряд, наши их уже встретили, — сообщил атаман.

— К чему бы это? — спросил писарь.

— Наверное, депеша*, а может, еще что, — ответил спокойно атаман.

Вдали улицы показалась крытая коляска в сопровождении двух десятков казаков.

— Едут! — объявил писарь, выглянув очередной раз в окно.

Все насторожились. Разговор прекратился.

— Сейчас узнаем, что за причина, — сказал атаман и вышел из комнаты. В это время коляска остановилась у крыльца и из нее вышли двое офицеров. Младший, лет двадцати пяти, окинув взглядом вышедших и определив старшего, улыбаясь сказал:

---

* Депеша — сообщение.

— Здравствуйте, господа! Разрешите представиться: ротмистр Говорков — адъютант его превосходительства князя Воронцова. Генерал заночует в Екатериноградской, а завтра будет проезжать здесь. Примите соответствующие меры, — и он передал атаману запечатанный пакет.

Его открытое веселое лицо, любезность и простота обхождения понравились казакам.

— Разрешите представить моего спутника. Это офицер Его Величества Конвой, — и он назвал фамилию, — знакомьтесь. Он везет списки отобранных им казаков в Конвой, наказному атаману.

Казачий офицер тоже понравился и атаману, и вышедшим с ним старикам. Лицо его было ни молодым, ни старым. Это было лицо много повидавшего в жизни, решительного и доброго человека. Оно не отображало ни жестокости, ни властолюбия, ни стремления полюбоваться собою или тем более намеренной иронией отнестись к встречавшим. Копна густых волос с редкими проблесками седины возвышалась над высоким лбом, еще совершенно свободным от морщин и складок. Серые с синевой глаза смотрели пытливо и прямо, губы были поджаты, отчего все лицо казалось несколько строгим.

Атаман пригласил всех в дом, где уже готовилось угощение.

— А это с дороги, — подал он гостям по бокалу вина.

— Не откажусь, — просто ответил адъютант. — О кавказском вине мне уже известно. — И он, не отрываясь, выпил весь бокал. Выпил и его спутник. После этого атаман объявил:

— Прошу за стол.

— Разрешите, я распоряжусь казакам, — обратился адъютант к атаману и, сделав необходимые распоряжения, вернулся в дом.

А казачата в это время все ближе теснились к дому, чтобы увидеть происходящее и услышать, о чем будут разговаривать в атаманском доме.

— Брысь отседова, — отгоняли их незлобно казаки-охранники, стоявшие у крыльца. Но те и не думали уходить.

— А кто это приехал? — спрашивали они.

— Кто кто? — дома батько расскажет, марш по домам.

А прибывшие с депешей казаки рассказывали на улице, что и в Георгиевск, и в Екатериноградскую прибывают офицеры-интенданты. Говорят, будут заготовливать сено, лошадей, сбрую. В связи с чем это, никто не знал, хотя понимали, что это неспроста. Вскоре по станции разнеслось, что завтра здесь будет проезжать наместник Кавказа князь Воронцов.

Михаил Семенович Воронцов был генералом Отечественной войны 1812 года. Это его гренадерская дивизия подверглась интенсив-

ной атаке французов у Бородино. Гренадеры Воронцова ударили в штыки, опрокидывая наступающие колонны. Воронцов сам водил их в эти кровавые схватки и возвращался с ними на место, не выпуская шпаги из рук и не переставая улыбаться. Атаками командовал сам Даву. При втором или третьем натиске французам удалось было вскочить в левую флешь. Но это был только момент. Сверкнули штыки. Лошадь Даву грянулась оземь, и маршала вынесли из свалки на плаще. Французы откатились. Потом замелькали другие генералы — Компан, Дессе, Ранн. Они сменяли друг друга, обливаясь кровью. Наконец, унесли Ранна, высокого и черного, нещадно ругавшего свою двадцать вторую рану. Воронцов огляделся. Боже, как мало осталось у него grenадеров. Сердце его сжалось. Между тем огромные французские колонны катились на них, как морской прибой. Свинцовый вихрь вырвался из волн атаки и ударил по флешам. Ряды воронцовских grenадеров еще более поредели. Солдаты дрогнули и, сбиваясь тесными кучками, пошли в отход. Воронцов крикнул остаткам какого-то батальона, еще державшего строй и равнение:

— За мной! В штыки! Смотрите, братцы, как умирают генералы!

Удар в бедро опрокинул его наземь. Он хотел взмахнуть шпагой, но клинок лязгнул под картечной пулей, и половины его как не быва-

ло. Однако рука Воронцова не выпустила куска изуродованной стали даже и тогда, когда солдаты усадили его на скрещенные ложа четырех ружей и бегом потащили с флешей. Даже когда его поднесли к Багратиону, он все еще сжимал этот обломок в опущенной книзу руке. Бледное лицо его было обрызгано кровью, но он улыбался.

— Куда угораздило тебя, душа-граф? — спросил Багратион.

— В ляжку, ваше сиятельство.

— А дивизия твоя?

Воронцов показал сломанной шпагой на землю.

В 1815—1818 гг. Воронцов командовал русским оккупационным корпусом во Франции. Был близок к деятелям преддекабристских организаций. В 1820 г. вместе с Н. И. Тургеневым пытался основать дворянское общество для постепенного освобождения крестьян. В 1828—44 гг. он был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. В 1844 г. назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим отдельным кавказским корпусом. Несмотря на то, что Воронцов был угодливым царедворцем и тщеславным карьеристом, ум, образование, известный либерализм выделяли его из рядов царских администраторов.

Но вернемся в станицу. Как только стало известно о приезде наместника, стали передаваться разные толки. Одни говорили, что он

едет в Тифлис в связи с какими-то событиями, другие — что он едет сдавать дела. И хотя простому казачьему населению было все равно, по какому поводу едет Воронцов, любопытство брало верх.

На следующий день станица встречала кортеж князя Воронцова. Казаки поднесли наместнику хлеб-соль на серебряном блюде, в церкви Михаила Архистратига был отслужен молебен, где церковный хор с упоением пел «Спаси, Господи, люди твоя» и «Многая лета». А на выходе из церкви выстроенные как на строевом смотре казаки исполнили свою любимую:

*Всадники-друзи, в поход собирайтесь,
Радостный звук вас ко славе зовет!
С бодрым духом храбро сражайтесь!
За царя и Россию смело в бой вперед!*

Каждый в это время думал о своем. О своем думал и Воронцов. Он ехал, чтобы подготовить веренные ему войска и область к возможной войне. Генерал знал, что царь и двор не простят ему, если он по усталости или еще по каким причинам не сделает срочных распоряжений, как здесь, на Северном Кавказе, так и в Тифлисе. И не дай Бог сделать какую-либо ошибку в своих действиях. Там ошибок не любят...

— Что я имею здесь на случай войны? — промелькнуло в голове. Конечно, сил было

явно недостаточно. Но этот бодрый, самоуверенный настрой казаков, а затем беседа с казачьим старшиной на время вернули его в прошлое.

Вспомнил Воронцов весну 1845 года, когда он прибыл на Кавказ командующим отдельным кавказским корпусом и наместником на Кавказе. Вовсю шла Кавказская война. Тогда он застал уже конец приготовлений второй экспедиции в Дарго, укрепленную резиденцию Шамиля. Первая экспедиция, предпринятая в 1842 г. генералом Граббе, была направлена от Герзель-аула по долине реки Аксай через непроходимые леса Ичкерии и потерпела полную неудачу. Новая экспедиция предложена была по другому направлению: в обход через Андийский хребет.

Преодолевая необыкновенные трудности пути в горных трущобах, покрытых дремучими лесами, ведя непрерывные бои с упорным и отчаянным противником, войска, руководимые самим Воронцовым, подошли в июле к Дарго и взяли его с боем. Однако Шамиль успел ускользнуть.

— Я все равно его догоню, — сказал тогда Воронцов, и началась погоня. Кругом поднимались утесы. Внизу, сдавленная склонами, билась о камни Койсу, взметая белые пенящиеся брызги. Грохот заполнял ущелье. Узкая дорога, больше похожая на вьючную тропу, шла

над бездной, и идти становилось все труднее. Шедшая впереди казачья разведывательная группа остановилась.

— Спешиться, — подал команду есаул, и казаки медленно слезли с коней.

Дальше двинулись, держа лошадей в поводу, но дорога становилась все хуже и хуже. Пришлось опять остановиться.

— Тут недолго переломать ноги не только лошадям, но и себе, — слышалось в колонне.

— Была бы польза, — раздавалось в ответ.

— Да уж на этот раз Шамилю не уйти от нас, — поговаривали казаки, раскуривая свои трубки.

— Верно гутарите, казаки, — ободряюще поддержал разговор подошедший есаул. — На этот раз мы непременно доберемся до его логова.

Вынужденная остановка произвела в колонне замешательство.

— Почему остановились? — спросил подъехавший к казакам полковник Радецкий и, увидев причину, замолк.

Узкая дорога, по которой двигался отряд, оборвалась.

— Не иначе дождем смыло, — сказал полковник, но подъехавший Воронцов заметил:

— Да нет. Это похоже на подрыв. Не иначе Шамиль за собой следы замечает.

Казаки и солдаты молча смотрели на генерала. А он спросил:

— Так что будем делать? — И словно убеждая себя в том, что это препятствие им не взять, он еще раз заглянул в обрыв.

— Ничего не поделаешь! Придется возвращаться назад, — с грустью заметил он Радецкому.

— Как же так, ваше высокоблагородие? — нарушая субординацию, вдруг сказал казак, стоящий неподалеку. — Возвращаться теперь нам никак нельзя.

— А что же делать? — заинтересованно спросил Воронцов, поглядывая то на Радецкого, то на казака. А тот уже продолжал:

— Это самое узкое место у реки, и его надо использовать.

— Как?

— Мы спустимся вниз, переберемся через реку, закрепим там канат, а второй конец передадим вам. По нему и будем переправляться.

Только начали смельчаки спускаться к реке, как с противоположной стороны раздались выстрелы.

— Ваше высочество, зайдите за выступ, — закрывая Воронцова, сказал есаул и тут же был ранен в руку.

— Это Шамиль оставил засаду, — сказал Радецкий и увел Воронцова в укрытие.

Солдаты дали ружейный залп. Затем несколько залпов дала легкая пушка, которую везли с собой казаки, и стрельба с противоположной сторо-

ны прекратилась. Разведчики переплыли бурный горный поток. Им передали бечеву, потом канат, который они закрепили на противоположном берегу. По канату и переправились люди через реку. Однако Шамиля и в этот раз не удалось догнать.

После сытного обеда, в хорошем расположении духа, Воронцов интересовался у стариков делами казачьих станиц. Заметив за столом молодого красавца-казака, спросил:

— Чей это молодец?

— Мой сын, Григорий, — просто, но с достоинством ответил атаман, степенно поглаживая свою черную с проседью бороду.

— Похвально, похвально! А я только что вспомнил нашу первую встречу, — сказал он атаману. — Спасибо, защитил тогда старика.

— Да неужто вспомнили, ваше высокопревосходительство, — растроганно спросил атаман. — Вы еще тогда мне медаль выхлопотали.

— Вспомнил, вспомнил! А ты еще молодецом. Не трудно в седле сидеть? — спросил он, улыбаясь.

— Да нет, атаман еще бодрый. И казаков молодых учит, как надо, — вступил в разговор адъютант.

Улыбаясь, генерал откинулся в кресле, с облегчением избавляясь от согнутого положения туловища, стеснявшего заметный живот. Образовавшаяся пауза вновь вернула его к предыдущим мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru